

Игумен Петр (Мещеринов): Осознание единства Церкви никогда не исчезнет

Можно ли говорить о реальном единстве христиан Запада и Востока после схизмы 1054 г.? В чем обнаруживалось это единство в историческом и культурном контексте? Какие явления православной жизни России несут отпечаток западной духовности? Что в русской православной ментальности противостоит актуализации христианского взаимопонимания и единства? Таков круг вопросов, которые затронул в своем докладе игумен Петр (Мещеринов), выступая на ежегодной международной конференции в Сериате (Италия). Форум состоялся 22-24 октября, он был посвящен теме [«Богословие общения: пути развития и точки соприкосновения между Россией и Западной Европой»](#). О.Петр (Мещеринов) назвал свое сообщение «Вызовы сегодняшнего дня — взгляд из России».

Игумен начал с утверждения о том, что «многие века, почти тысячелетие параллельного существования русского Православия (и шире — Православной Церкви вообще) и западных исповеданий, прежде всего Римо-Католической Церкви, глубинное единство Христовой Церкви продолжало оставаться фактом, хотя не признаваемым официальными церковными структурами, но тем не менее - совершенно реальным».

Обращаясь к истории допетровской Руси, докладчик привел ряд примеров, свидетельствующих о том, как Западная Церковь «питала» Церковь восточную, утратившую церковную и богословскую активность в первой половине II тысячелетия по Р.Х. Первый пример — из области богословия: «Православная Церковь безоговорочно приняла в себя учение о семи Таинствах и о Священном Писании и Священном Предании; а ведь это учение и даже сами эти формулировки — плод деятельности контрреформационного Тридентского Собора XVI века». Второй пример связан со сферой образования: «жаждущие учёбы православные (в основном, греки) обретали удовлетворение своей жажды на Западе, на период обучения переходя в католицизм, а затем снова возвращаясь в православие» (об этом ярко свидетельствует жизнеописание преп. Максима Грека). Третье убедительное свидетельство возвышается в центре московского Кремля: Успенский собор — святыня Руси был построен в 1475 — 1479 гг. итальянским католиком Аристотелем Фиораванти.

Реформы Петра I, ставшие рубежом для всей русской истории, оказались «великим событием» для Русской Православной Церкви. Автор доклада аргументирует этот тезис: «со многими неоправданными жертвами, с разрушением канонической православной структуры церковного управления, ... при всех издержках Пётр I продлил жизнь русскому православию и вдохнул в него новые силы; без реформ Петра наша Церковь своими внутренними силами не смогла бы преодолеть герметичную идеологию, приведшую её к расколу, и её ожидала бы участь «закуклившихся» древних восточных церквей».

Какое же отношение имеют петровские преобразования к проблеме христианского единства? По словам докладчика, первый российский император, «установив систему церковного управления по лютеранскому образцу и сделав ставку в своей кадровой политике на южнорусских архиереев, открыл дверь церковному образованию», которое «было по сути полностью католическим». «То, что Русская Церковь, пройдя болезненный кризис старообрядческого раскола и Петровских реформ, вполне приняла и усвоила южнорусскую церковную учёность, является ещё одним свидетельством и здравости русского православия, и глубинного единства Церкви Вселенской», — отметил о.Петр.

Это единство в Синодальное время выявлялось особенно ярко, продолжил он и также привел ряд примеров. Так, святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, вводил в православный обиход свои обработки инославных текстов: «Феатрон» Амвросия Марлиана, «Царский путь Креста» Бенедикта Хефтена — католических авторов XVII века; «Священные размышления» лютеранина Иоганна Гергарда и в особенности, знаменитый «Илиотропион» — переложение вышедшего в свет в 1627 г. одноимённого сочинения немецкого католического писателя Иеремии Дрекслея. До сих пор один из известнейших и популярнейших в Русской Церкви аскетических текстов — это «Невидимая брань» итальянского монаха Лоренцо Скуполи (1530 — 1610). Как известно, переложение этой книги св. Никодимом Святогорцем

переработал и издал святитель Феофан Затворник. Он же рекомендовал читать и переводить сочинения св. Франциска Сальского, епископа Женевского (1567 — 1622). Католическая живопись и западное многоголосное пение прочно вошли в обиход Русской Церкви. Как заметил о.Петр, этот неоднозначный процесс не вызывал «отторжения у святых- достаточно вспомнить икону Божией Матери латинского письма, перед которой молился преп. Серафим Саровский, а также иконописные работы святителя Феофана Затворника».

По мнению докладчика, «процесс творческого восприятия инославия» особенно хорошо выявляется в жизни двух очень значимых для русской святости фигур — святителей Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. С именем ростовского архиерея, в первую очередь, связан фундаментальный труд — 12-томные «Жития святых». Материал для этого «передового для своего времени церковно-научного труда» свт. Димитрий брал как из православных, так и из католических источников. «Св. Димитрий почитал западных святых, например, Екатерину Сиенскую; он разделял латинское учение о Божией Матери — и всё это не мешало ему оставаться светочем православия и быть причисленным Православной Церковью к лику её святых», продолжает о.Петр. По его словам, одной из любимых книг св. Димитрия Ростовского было сочинение «О подражании Христу» — популярнейшая в Европе книга, написанная не позже 1427 года; её автором, скорее всего, является немецкий монах и священник Фома Кемпийский (ок. 1380 — 1471). С XVIII века «Подражание» распространяется в России настолько широко, что становится настольной книгой образованного русского общества на протяжении двух столетий. Достаточно сказать, как высоко ценил «Подражание» святитель Филарет Московский, а один из бесчисленных переводов «Подражания» на русский язык сделан в 1869 г. обер-прокурором Священного Синода К.П.Победоносцевым.

Другой великий святитель XVIII века, Тихон Задонский, «творчески обогатил православие духовностью лютеранской». Речь в докладе идет о труде лютеранского автора Иоганна Арндта (1555 — 1621) «Об истинном христианстве», в котором раскрывается «внутренняя, сердечная жизнь человека во Христе». Автор доклада обращает внимание на следующий парадокс: И. Арндт, будучи лютеранином, «объективно восстановил святоотеческую традицию», и в этом смысле можно говорить о «надконфессиональности» этой книги. Она пользовалась чрезвычайной популярностью в Европе, в том числе и в России; первый перевод на русский язык был осуществлён в 1735 году в Галле учившимся там будущим архиепископом Псковским Симоном Тодорским. Св. Тихон Задонский находился под большим влиянием книги Арндта, он ценил её настолько высоко, что ставил её сразу после Библии (здесь о.Петр привел высказывание самого святителя). В подражание Арндту св. Тихон написал свою собственную книгу, назвав её точно так же — «Об истинном христианстве». Докладчик добавил, что произведение Арндта непрестанно переиздавалось до революции и пользовалось таким авторитетом, что даже в конце XIX века «Об истинном христианстве» вручалась в качестве награды выпускникам православных духовных семинарий.

Таким образом, две названные инославные книги были не просто восприняты в русской духовности послепетровского времени, но и «определили ее в чрезвычайной степени, и до сих пор это влияние ещё не осмыслено должным образом», сказал выступавший.

Для этой духовности было характерно также «крайне осторожное суждение Русской Церкви (в отличие от Церквей греческих) об инославии:

Русское Православие никогда не позволяло себе на формальном, официальном уровне износить суд над инославными братьями и сёстрами во Христе». Однако с XIX века ярко обозначается «линия противления фактическому неформальному единству Христовой Церкви», которая (линия) ассоциируется с двумя известными именами: одного из родоначальников славянофильства А.С.Хомякова и святителя Игнатия (Брянчанинова). Именно на воззрениях последнего о.Петр сосредотачивается в докладе, в немалой степени — потому, что в постсоветской России сочинения святителя получили в Русской Церкви «максимальное распространение».

Отдавая должное многим сторонам аскетического учения свт. Игнатия (о трезвении, о духовнических отношениях, о частных аспектах аскетической практики и т.д.), отмечая «его несомненную личную святость», докладчик позволил себе заметить, что «ко многим более общим вещам св. Игнатий был глух, и часто его взгляды на те или иные сферы христианской, церковной и общественной жизни отличались узостью и ригоризмом», что привело его «к ожесточённому неприятию всего формально-неправославного». Например, книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу» стала для святителя «неким символом всего неправославного» до такой степени, что он даже хотел написать целое сочинение против «Подражания», но его желанию воспрепятствовал святитель Филарет Московский, отметил о.Петр.

При этом важно подчеркнуть, что в XIX веке св. Игнатий воспринимался «одним из» церковных писателей, он занимал «уместное и гармоничное место в разнообразной палитре русской церковной жизни, являя, как бы сказали теперь, крайне правый полюс». Однако в следующем веке его взгляды стали приобретать особый вес, а в начале 90-х годов XX в. он стал считаться «каким-то «Отцом Отцов» в среде новообращенных православных. Чем можно объяснить авторитет св. Игнатия, «поднявшийся превыше Священного Писания» в последние 20 лет? По мнению автора доклада, [менталитету постсоветского человека, считающего себя православным](#), особенно близок «национализм, изоляционизм, глупое и гордое превозношение перед Западом». Именно поэтому так популярна сегодня не «здравая сторона» учения святителя, а «выдранные и из контекста эпохи, и из личного контекста субъективные и радикальные его мнения, подменившие всё Православие», и в частности, его «агрессивный антиэкуменизм».

Резюмируя, докладчик определяет: «это и есть вызов сегодняшнего времени: постсоветское церковное сознание совершенно не воспринимает той широты и интегрального вектора развития, который был присущ дореволюционной православной жизни». Следовательно, «точки соприкосновения между Россией и Западной Европой в церковной сфере возможны сегодня только в очень узком диапазоне». На уровне же «широких церковных масс» (тут о.Петр извинился за советизм) «никаких точек соприкосновения с западным христианством на данный момент нет, и, судя по многим показателям, ... в обозримом будущем не будет». Не желая заканчивать доклад мрачным прогнозом, игумен отметил: «...Осознание цельности и неразделимости Церкви никогда не прекращалось и не прекратится до конца времён. ...Исконная традиция Русской Церкви, выявляющая глубинное, хотя и неформальное единство христиан, жива и продолжает развиваться. И это вселяет осторожную радость».